
АРТИКУЛЯЦИОННАЯ БАЗА КАК СИСТЕМООБРАЗУЮЩИЙ ФАКТОР В СОПОСТАВИТЕЛЬНЫХ ОПИСАНИЯХ ЗВУКОВОГО СТРОЯ С ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОЙ НАПРАВЛЕННОСТЬЮ

И.М. Логинова

Кафедра русского языка и методики его преподавания
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье на примере небольшого фрагмента вокализма русского и французского языков показана роль фонологической системы и артикуляционной базы как взаимодополняющих факторов при сопоставлении родного и изучаемого иностранного языков в процессе преподавания.

В известных философских построениях большое значение придается практической деятельности как критерию истинности теоретических концепций и способу совершенствования теоретических представлений в процессе реализации принципа: «от теории к практике и от нее к теории».

Классики отечественного языкознания уделяли большое внимание прикладным областям исследований, в частности, практике обучения иностранным языкам. Среди главных принципов обучения иностранному языку называлось сопоставление изучаемого и родного языков.

Л.В. Щерба отмечал важную воспитательную роль изучения иностранных языков для познания родного: без изучения иностранного языка не замечаются и не осознаются специфические особенности родного [9. С. 34—51]. Вместе с тем, предостерегал Л.В. Щерба, при изучении иностранного языка нужно «от-талкиваться» от родного во избежание интерференции на разных уровнях языка.

Идея сопоставительного подхода к фактам изучаемого иностранного языка и родного, к сожалению, не всегда осуществляется в настоящее время из-за приоритета чисто прагматических целей при изучении иностранных языков: многие обучающиеся стремятся в минимальные сроки более или менее бегло научиться общению на иностранном языке в той или иной области деятельности; при этом культурная, познавательная и воспитательная ценность владения иностранным языком и понимание культуры народа, говорящего на этом языке, уходит нередко на задний план [5. С. 135—142]. Однако неизбежная звуковая интерференция в процессе языковых контактов при изучении иностранных языков толкает преподавателя на поиски методических приемов постановки звуков неродного языка и заставляет прибегать к сравнению изучаемого языка и родного.

Вместе с тем не всякое сопоставление признавалось полезным и действенным. В основе сопоставительного метода должна лежать системность подходов к сравниваемым объектам, в нашем случае — к фактам звукового строя языков. Выступая против голого эмпиризма в сравнении фонетических систем двух языков, А.А. Реформатский предлагал класть в основу сравнения звуковых яв-

лений фонологическую систему (ФС) языков, а именно: основные корреляции по дифференциальным признакам (ДП) фонем, поведение фонем в сильных и слабых позициях, случаи нейтрализации различительной силы фонем и т.п.

Исследования речевого потока и опыт преподавания показали, что ДП далеко не исчерпывают существенных особенностей общего фонетического облика слова в динамике речи: во-первых, ДП не отражают всех характерных черт артикуляторной организации слова в потоке речи (есть еще важные, существенные интегральные признаки); во-вторых, каждый ДП по-своему, своеобразно реализуется в речи. Поэтому правомерный призыв С.И. Бернштейна, А.А. Реформатского и др. *поставить ФС на службу обучению произношению*, конечно, не вызывает возражений, но требует существенного дополнения со стороны артикуляционной базы (АБ) как особой системы, в рамках которой реализуется произносительная сторона речи.

Фонологические описания языка по своей сути не касаются многих существенных моментов артикуляционной организации речи (например, таких, как разграничение активного и пассивного органов речи, способы артикулирования каждой произносительной фазы звучащей единицы и особенно коартикуляции, взаимодействие работы всех активных органов речи при осуществлении основных и дополнительных артикуляций в рамках артикуляционного уклада). Достижения экспериментальной фонетики дают нам богатейшие знания в этой области. Поэтому роль АБ как системоорганизующего фактора в процессе обучения иноязычному произношению и преодоления интерферирующего воздействия родного языка учащегося можно показать практически на любом участке звукового строя.

Предметом анализа в данной статье является небольшой, но, как думается, достаточно представительный для избранной темы фрагмент вокалических систем русского и французского языков, а именно **гласные среднего подъема [e]-[э] в русском языке** (русская транскрипция) и **неогубленные носовые [e]-[ɛ] во французском языке** (система МФА), наиболее часто упоминаемые в специальной литературе в связи с их фонологическим статусом в обоих языках и трудностью усвоения при изучении иностранного произношения, причем не только русскими учащимися, изучающими французский язык, но и французами при усвоении русской АБ. Согласно теории языковых контактов межъязыковую интерференцию следует ожидать тогда, когда изучаемый объект более дифференцирован в системе иностранного языка по сравнению с родным. В обратном случае проблем не должно быть. На самом деле степень дифференциации изучаемого объекта необходимо рассматривать не только в ФС, но и в АБ контактирующих языков.

Место вокализма в русской и французской фонологических системах и артикуляционных базах неодинаково. В составе французских фонем почти половину составляют гласные (44%: 16 гласных при 20 согласных), но в потоке речи они почти не претерпевают фонетических изменений в связи с высокой степенью напряженности АБ и отсутствием просодической выделенности слова в со-

ставе ритмической группы. По тем же причинам и согласные редко меняют свои артикуляционные характеристики в потоке речи. Поэтому общий фонетический облик французского слова относительно постоянен, устойчив за исключением сандхиальных явлений в слитном потоке речи (*liaison, enchaînement*, беглое [≡]).

В русской ФС лишь одна восьмая часть гласных (12—14%: 5—6 гласных при 36 согласных фонемах), зато они подвержены широкому аллофоническому варьированию в потоке речи в результате «позиционных» (редукция) и комбинаторных (аккомодация) изменений. Оба типа модификаций гласных оказывают существенное влияние на общий фонетический облик русского слова в связи с подвижностью сильноцентрированного словесного ударения как индивидуального признака каждого отдельного полнозначного слова, приводящей к звуковым чередованиям типа [o//a; o, a, э//ъ, а, е//и] и т.п. (об их фонологическом статусе в рамках разных научных концепций здесь не говорим), а также в связи со спецификой реализации категории твердости-мягкости согласных на межсегментном уровне, определяющей неоднородность всех русских гласных в потоке речи, что, в свою очередь, выступает полезным признаком при восприятии твердых-мягких согласных и идентификации общего фонетического облика русского слова (работы Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкой, Л.Р. Зиндера). Не случайно Н.С. Трубецкой положил противопоставление ударных-безударных гласных и твердых-мягких согласных в основание русской фонетики: «Русская фонетика основана на игре двух резких противопоставлений: противопоставления ударяемых гласных безударным и противопоставления мягких согласных твердым» [8. С. 128]. Вместе с разнообразием морфонологических процессов (живых и исторических) в области согласных и явлением ресиллабации на стыках слов русское слово может характеризоваться большой изменчивостью в речи и с фонологической, и с собственно фонетической точек зрения.

В лингводидактической модели описания французский вокализм как система из 16 фонем занимает подобающее ему место: на его изучение отводится половина (а иногда и больше) постановочных и корректировочных курсов (Л.В. Щерба; М.А. Виллер, М.В. Гордина, Г.А. Беякова и др.). Русскому же вокализму с его богатством аллофонического варьирования, во многом определяющего фонетический облик слова, «повезло» значительно меньше: одно-два формально составленных упражнений из пяти ударных изолированных гласных в начале вводно-фонетического курса, краткое (и, к сожалению, далеко не всегда корректное) указание на качественную редукцию некоторых гласных при полном игнорировании аккомодации, отсутствии постановки словесного ударения в фонетическом и морфонологическом аспектах и недостаточном внимании к сандхиальным явлениям.

Описание звукового строя в целях практического обучения произношению на неродном языке должно быть строго системным, что делает его экономным и эффективным. Об этом много написано и классиками отечественной фонетики и методики (Е.Д. Поливанов, Л.В. Щерба, С.И. Бернштейн, А.А. Реформат-

ский), и современными лингвистами. Но эта системность должна строиться как на ФС, так и на АБ, которая не является лишь аналогом, реализацией ФС, а организована по собственным законам, хотя и пересекающимся во многом с закономерностями ФС.

Обратимся в качестве иллюстрации к выше указанному фрагменту русской и французской вокалических систем.

Во французской ФС традиционно описывается смысловозначительная оппозиция закрытого, узкого [ʔ́] (é fermée, é aigüe) и открытого, широкого [ɛ] (è ouverte, è grave). Их артикуляционно-акустическое различие основано на признаках подъема и напряженности (é — более напряженное и высокое по подъему языка, чем è); оба гласных, как и все другие французские гласные, характеризуются однородностью артикуляции в связи с неизменяемостью формы и объема резонатора при их фонации. Согласные в позиции перед é, è не преобладают палатализации [4. С. 85].

В начале XX века отмечался и третий член этой оппозиции — долгое открытое [ɛ:] (ê), противопоставленное фонеме [ɛ] в основном по длительности при относительно небольшой разнице в степени подъема. Как следствие артикуляторной близости этих фонем, их собственная высота (резонаторный тон) различалась не так сильно, как у закрытого и открытого краткого гласных; сравним данные Л.В. Щербы в герцах («двойных колебаниях» — «vibrations doubles»): [ɛ] (в thé «чай») — 1824 v.d., [ɛ] (в taie «наволочка») — 1482 v.d., [ɛ:] (в tête «голова») — 1368 v.d. К настоящему времени эта оппозиция признается утраченной ввиду фонематического слияния этих гласных [4. С. 26—27].

Единственная русская гласная фонема переднего ряда среднего подъема в русской транскрипции чаще всего обозначается с помощью значка [э], по видимому, не без влияния русского алфавита, где имеется эта буква (в противоположность неоднозначной букве «е») для обозначения отсутствия [j] прежде всего в начале слова и после гласного: этот, этаж, поэт, дуэт. Для представления фонемы выбор значка [e]-[э] безразличен, поскольку в обоих случаях сохраняется противопоставление данной фонемы всем остальным. Поэтому в фонематической транскрипции (на базе кириллицы) в обеих отечественных фонематических школах (МФШ и ЛФШ) используется значок [э]: [э]то, ц[э]пь, ж[э]ст, [л'э]с, [п'э]ть (Л.В. Щерба, М.И. Матусевич, Л.Л. Буланин, А.А. Реформатский, Р.И. Аванесов, М.В. Панов и др.). Однако перенесение этого значка в фонетическую транскрипцию для обозначения разных аллофонов этой фонемы представляется неправомерным, так как нарушает основной принцип фонетической транскрипции: однозначное соотношение звука/знака; одним и тем же значком [э] в вышеприведенных словах передаются разные звуки. Обратимся снова к данным Л.В. Щербы, который отмечает три оттенка этой фонемы (заметим: в петербургском произношении начала XX века и в восприятии хотя и блестящего ученого с абсолютным слухом, но уроженца Киева эти факты могли отразиться на его индивидуальной перцептивно-артикуляционной базе): *дету* (узкий оттенок фонемы э) — 2056 v.d., *шей, цепь, эти* (средний оттенок) —

1816 v.d. (здесь Л.В. Щерба замечает, что встречается и более широкий оттенок с резонаторным тоном в 1600 v.d. — важное замечание!), *цеп, стэк, Бэла* (широкий оттенок) — 1343 v.d. Французские открытые [ɛ]-[ɛ:] помещены между русскими средним и широким оттенками с резонаторными тонами соответственно 1482 v.d. и 1368 v.d. [10. С. 31—32]; безударное [e] в первом предударном слоге, характерное для старопетербургского «эканья», оставим в стороне как неактуальное для современной орфоэпии. Для большей наглядности представим данные Л.В. Щербы в следующей таблице.

Французский язык	Русский язык
e (the) — 1824 v.d.	e (дети) — 2056 v.d. — закрытый
E (taie) — 1482 v.d.	i ^e (эти, цепь, шей) — 1816 v.d. — средний
E: (tête) — 1368 v.d.	э ^н (цепь, шей) — (1600 v.d.) — средний
	э (цэп, стэк, Бэла) — 1343 v.d. — широкий

Таким образом, Л.В. Щерба отождествляет произношение [e]-[э] после твердых согласных и в начале слова, тогда как начальная позиция для русских гласных более независима, чем позиция после согласных, где гласные модифицируются в соответствии с твердостью-мягкостью соседних согласных. Такое же отождествление принципиально разных аллофонов встречается и во многих описаниях новейшего времени. Так, Л.В. Бондарко объединяет в одном «открытом аллофоне» звуки: изолированный, передаваемый на письме буквой «э» (значит, в начале слова и после гласного) и после твердых согласных: *шест, жест, цех, темп* (т.е., в твердом окружении — Л.В. Щерба разграничивал позиции перед мягким и перед твердым согласным). При этом указания на изменение признака ряда у этого аллофона нет: в русской системе транскрипции Л.В. Бондарко передает лишь открытость этого гласного (*цех*), но не использует имеющегося в таблице диакритик знака отодвинутости назад [1. С. 112, 271].

Между тем категория твердости-мягкости согласных обуславливает в русской ФС бинарное противопоставление непередних-передних гласных при отсутствии какого бы то ни было «среднего» звена (Л.Л. Буланин), что порождает в современной АБ построение речевой цепи по принципу смены «твердо-заднего» и «мягко-переднего» артикуляционных укладов [6]. Таким образом, фонологически недифференциальный признак ряда становится существеннейшим в артикуляционной организации общего фонетического облика русского слова (а следовательно, и в методике обучения русскому произношению). Другие признаки (подъем и огубленность) также принимают участие в формировании дифтонгоидного характера русских гласных в разном твердо-мягком консонантном окружении, например: [i^нe^а], [y^оa] перед твердым согласным и в абсолютном конце (*эпос, лес, где, он, кот, окно*), [a^н], [o^н], [y^н] с делабиализацией в конце огубленного гласного перед мягкими согласными (*мазь, конь, путь, цепь, шесть*) и т.п.

При сопоставлении АБ русского и французского языков и, в частности, при постановке передних гласных существенной оказывается разница между функ-

циональной нагруженностью различных признаков в системе и динамической организации речи двух языков.

В русском языке согласные более независимы и устойчивы, чем гласные. Аккомодационные изменения гласных по ряду, а также по подъему и огубленности в связи с реализацией категории твердости-мягкости способствуют их неоднородности. Фонема [e] / [э] в артикуляционно-акустическом плане расщепляется на два звукотипа, взаимозаменяющихся после мягких и твердых согласных аналогично другому переднему гласному [и], чередующемуся с [ы] после твердых согласных и противопоставленных как передние непередним (речь идет только об АБ, не являющейся полным аналогом ФС).

Во французском языке, где гласные сохраняют четкость и напряженность артикуляции и почти не подвержены влиянию комбинаторных процессов, существенным является признак подъема, реализующийся в четырех степенях открытости и лежащий в основе противопоставления закрытых [i, e] открытым [ɛ, a] в переднем ряду (как и [o-O] в заднем ряду). Именно однородность и напряженность произношения французских гласных позволяет использовать различие по подъему в переднем и заднем рядах в фонологических целях. В русском же языке дифтонгоидность гласных затрагивает не только признак ряда, но и признак подъема, и в гласных среднего подъема [e-o] в потоке речи наблюдается сходное движение от верхнего к нижнему подъему в разных позициях: [e] > [i^e - E^a], [o] > [u^o - O^a]: *лето, сера, где-то; года, сора, нота*. Таким образом, различия гласных в *лес — лезь, этот — эти* более напоминают разницу по открытости, чем в *сел — цел, сей — шей*. Н.А. Шигаревская отмечает, что оппозиция передних и задних гласных во французском языке вообще менее четкая, чем в других языках; французские задние гласные больше продвинуты вперед, чем в других романских языках [11. С. 124—125], тогда как А.Н. Рапанович в группе французских передних гласных выделяет именно открытый [ɛ], при котором тело языка слегка оттянуто назад, что придает этому гласному задний резонанс [7. С. 29].

Учет системных связей передних гласных в ФС и АБ необходим для постановки французского произношения русским и русского произношения французам для избежания звуковой интерференции. Однако лишь в немногих работах отмечаются различия не только в фонологическом статусе передних гласных в русском и французском языках, но и их существенные артикуляционные различия. Так, М.В. Гордина подвергает коррекции данные Л.В. Щербы, установившего градацию русских и французских передних гласных по резонаторному тону (см. выше). На основании новейших экспериментально-фонетических исследований и изучения звуковой интерференции она справедливо разграничивает в русской АБ аллофоны [e]-[э] в разных позициях аккомодации и отмечает, что сильно оттянутый назад аллофон в *цеп, цел* не годится для аналогии с открытым французским [ɛ], равно как и неоднородные русские аллофоны в *эти, цепь* далеки от французского закрытого [e] [4. С. 54—56; 3. С. 24—25].

Таким образом, при сопоставительных исследованиях в лингводидактических целях необходимо учитывать не только фонематический статус звуковых

единиц, но и их положение в АБ сравниваемых языков и отражать это в фонетической транскрипции, тем более что наличие в системе кириллицы двух букв «е» и «э» дает великолепную возможность системно представить отношения между разными аллофонами передних-непередних гласных в русской речи.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Бондарко Л.В.* Фонетика современного русского языка. — СПб: Изд-во СПбГУ, 1998.
- [2] *Вербицкая Л.А.* Русская орфоэпия. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1976.
- [3] *Виллер М.А., Гордина М.В., Белякова Г.А.* Фонетика французского языка. — Л.: Просвещение, 1978.
- [4] *Гордина М.В.* Фонетика французского языка. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1973.
- [5] *Кузнецова Т.Н.* Преподавание иностранных языков и гуманизация образования // Вестник РУДН. Серия «Русский и иностранный языки и методика их преподавания». — 2003. — № 1.
- [6] *Логинова И.М.* Описание фонетики русского языка как иностранного (вокализм и ударение). — М.: Изд-во РУДН, 1992.
- [7] *Рапанович А.Н.* Фонетика французского языка. — М.: Высшая школа, 1969.
- [8] *Трубецкой Н.С.* Общеславянский элемент в русской культуре // Вопросы языкознания. — 1990. — № 3.
- [9] *Щерба Л.В.* Практическое, общеобразовательное и воспитательное значение изучения иностранных языков // Л.В. Щерба. Преподавание языков в школе. Общие вопросы методики. Изд. 3. — М.: АCADEMIA, 2002.
- [10] *Щерба Л.В.* Фонетика французского языка. Изд. 6. — М.: Изд-во лит-ры на иностр. языках, 1957.
- [11] *Chigarevskaja N.* Traité de phonétique française. 2-e éd. — Moscou: éd. «École Supérieure», 1973.

ARTICULATION BASE AS SYSTEMFORMING FACTOR IN COMPARATIVE SOUND SYSTEM DESCRIPTIONS WITH LINGVODIDACTICS ASPECTS

I.M. Loginova

Department of Russian language and methods of its teaching
People's Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The role of the phonological system and of the articulation base in the comparative linguistics and methodology is represented in this article on the material of the Russian and French vocalism.